

М.А. Фельдман

**«ТАИНСТВЕННАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ (XVIII ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП(б) В ФОКУСЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
И ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА)**

Аннотация. Приближение войны заставило советское руководство задуматься о соотношении качественных и количественных показателей производимой продукции. Бюрократический стиль руководства в лихорадочной обстановке последних предвоенных месяцев превращался в помеху реализации принятых решений.

В статье отмечается, что хотя предложения ряда хозяйственников и руководителей промышленных наркоматов о необходимости борьбы с «техническим консерватизмом»; о сокращении числа ведомств и инстанций, рассматривающих технические изобретения и рацпредложения; о разрешении перераспределения ресурсов между предприятиями путем прямых связей между ними – не вошли в резолюции последнего предвоенного партийного форума, однако они формировали то теоретическое научно-прикладное пространство, которое трансформировалось в практику в годы Великой Отечественной войны.

Высказана гипотеза о том, что высокая степень откровенности материалов Конференции была адресована не столько коммунистам СССР, сколько руководству фашистской Германии: это была информация – Советский Союз не готовится к войне и не собирается нападать на Германию.

Жизнь прифронтовой территории – промышленности Ленинграда в период «зимней войны» с Финляндией – позволила накопить «определенный опыт по скоростному проектированию и изготовлению новых образцов вооружений». Этот опыт был изложен на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) в выступлениях представителей ленинградской делегации. Был ли этот опыт услышан и одобрен высшим советским руководством; отражен в резолюциях конференции? Какова была позиция делегатов конференции? Соответствовал ли опыт прифронтового города усилиям по укреплению оборонно-промышленного комплекса в годы третьей пятилетки? Предлагаемая статья делает попытку дать ответы на поставленные вопросы.

Ключевые слова: СССР; партия; доклад; делегаты; пятилетка; индустриализация; конференция; военная продукция.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук,
профессор, Уральский институт управления –
филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Feldman M.A. The «Mysterious» conference (XVIII all-Union party conference of the CPSU(b) in the focus of the external political factor and the Industrial project)

***Abstract.** The pre-war situation forced the Soviet leadership to think about the ratio of qualitative and quantitative indicators of manufactured products. The bureaucratic style of leadership impeded the implementation of the decisions made in the feverish atmosphere of the last pre-war months.*

The author notes that the proposals of a number of business executives and heads of industrial people's commissariats – regarding the need to combat «technical conservatism», reducing the number of departments and authorities for considering technical inventions and rationalization proposals, as well as allowing the redistribution of resources between enterprises through direct links between them – were not included in the resolution of the last pre-war party forum, however formed that theoretical scientific and applied space, that was transformed into practice during the Great Patriotic War.

The author of the article hypothesized that the high degree of frankness of the materials of the Conference was addressed not so much to the communists of the USSR as to the leadership of fascist Germany: the essence of the message was that the Soviet Union was not preparing for war and for an attack on Germany.

Life on the front-line territory during the Winter War with Finland allowed the industry of Leningrad to accumulate a certain amount of experience in high-speed design and manufacture of new types of weapons. This experience was presented at the 18th All-Union Party Conference of the CPSU(b) by representatives of the Leningrad delegation. Was this experience heard and approved by the top Soviet leadership and included in the resolutions of the conference? What was the position of the conference delegates? Was the experience of the front-line city consistent with the efforts to strengthen the military-industrial complex during the third five-year plan? The article attempts to provide answers to the proposed questions.

Keyword: USSR; party; report; delegates; five-year plan; industrialization; conference; military products.

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the presidential Academy of national economy
and public administration. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) (далее: Конференция), проходившая с 15 по 20 февраля 1941 г. – мероприятие, явно обделенное вниманием историков. Причиной тому стало отсутствие выступления И.В. Сталина на последнем предвоенном общепартийном форуме, а также непривычно критический тон отчетного доклада Г.В. Маленкова.

Затрудняет понимание роли конференции также то, что доклад Маленкова и опубликованные выступления делегатов, фактически подводившие итог эпохе 1930-х годов в индустриальной области, не имели обобщающего характера, как это было на предшествующих XVI и XVII конференциях, а концентрировались на постановке проблемных вопросов в регионах, отраслях, на отдельных предприятиях.

Оценки Конференции в советской исторической литературе были сдержаны, лаконичны и абстрактны. Указывалось на отдельные недостатки в работе промышленности (штурмовщина, неравномерность в выпуске продукции), которые могли быть легко преодолены за счет «повышения качества хозяйственного руководства во всех звеньях управления» [История социалистической экономики 1978, с. 32]. Гарантией преодоления проблемных ситуаций должно было стать «повышение уровня партийного руководства отраслями народного хозяйства» [История советского рабочего класса 1984, с. 38], без конкретизации этого понятия.

Только на излете советской эпохи, в 1990 г., в работе С.С. Хижнякова и О.В. Хлевнюка «XVIII конференция; время, проблемы, решения» отчетливо прозвучало: угроза войны выявила малую восприимчивость сложившейся экономической системы (справлявшейся с задачами экстенсивного наращивания производства) к ускоренной модернизации, новаторству и творческой инициативе. Возможности административно-командной системы с ее жесткой централизацией и минимальной самостоятельностью предприятий, а также отчетностью по количественным показателям – не позволяли преодолеть барьер широкомасштабного выпуска качественной военной продукции [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 4, 8].

В постсоветское время указанная проблема оставалась вне поля зрения историков. Следует признать, что это только частный случай периферийного внимания исследователей к периоду третьей пятилетки. Между тем далеко не исчерпано изучение драматической истории появления Третьего пятилетнего плана [Фельдман 2007], а к исследованию отличий проекта Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942), утвержденного в марте 1939 г. XVIII съездом ВКП(б) (240 с.), и опубликованного в сентябре 1939 г., Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942) (387 с.) историки и не приступали.

Круг вопросов, неизученных исторической наукой – роль XVIII Всесоюзной партийной конференции в укреплении оборонного потенциала СССР,

характер обсуждения актуальных проблем и поведение Сталина на Конференции, оценка выводов (резолюций) Конференции, реализация решений Конференции в последние предвоенные месяцы – обусловили постановку цели данной статьи.

Начало Второй мировой войны, без сомнения, определяло специфику проведения Конференции. Концентрация фашистских дивизий на западных, а Квантунской армии на восточных границах СССР заставляла советское руководство максимально использовать возможности укрепления оборонного потенциала.

Не случайно, решение о созыве XVIII Всесоюзной партийной конференции принял засекреченный Пленум ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. Главным вопросом Пленума стали «Уроки войны с Финляндией» [Путеводитель 2008]. Признание на Пленуме ЦК наркома обороны СССР К.В. Ворошилова о *неготовности Красной армии к «зимней войне»* [Из доклада 2000] свидетельствовало о многом: пропагандистские мифы о вооруженных силах «страны социализма» не подтвердились в ходе советско-финской войны и подлежали пересмотру.

Пересмотру подлежали и подходы к реализации плана Третьей пятилетки и Особого народно-хозяйственного плана на 1940 г. в силу очевидной неэффективности прежних методов управления и подходов. Так, высшее руководство страны не мог не тревожить замедленный характер «сдвига промышленности на Восток». Несмотря на все призывы и ряд постановлений ЦК и СНК, доля восточных районов СССР (включая Закавказье) за предвоенные годы практически не изменилась: 21,7% общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22% в 1940 г. Если в 1938–1940 гг. доля Урала выросла с 6,3 до 6,7% общесоюзного промышленного производства, то в эти же годы произошло, пусть и незначительное, *сокращение* удельного веса Сибири (с 4,2 до 4,1%), Закавказья (с 3,8 до 3,4%), Средней Азии и Казахстана (с 3,5 до 3,4%), Поволжья (с 2,9 до 2,8%). Существенная неравномерность распространения индустрии по территории страны сохранялась. Об этом говорит, например, сопоставление удельного веса промышленного производства Сибири (4,1%), Средней Азии и Казахстана (3,4%), Дальнего Востока (1,5%), а также города Ленинграда (10,2%) в 1940 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 131–132].

К июню 1941 г. в Московской и Ленинградской областях располагалось до половины предприятий союзной военной промышленности, традиционно обладавших передовыми технологиями [Симонов 1996, с. 98]. Следствием такой ситуации, оборотной стороной концентрации капиталовложений, усиления кадров ведущих ученых, конструкторов, опытных инженеров и массава квалифицированных рабочих в двух столицах, стало замедление освоения новейших видов вооружений в провинции: например, срыв задания руковод-

ства партии и правительства (принятого летом 1940 г.), нацеленного на серийное производство танков KV на Челябинском тракторном заводе [Самуэльсон 2010, с. 177, 190].

Степень милитаризации промышленности столиц не имела равных среди регионов СССР. Например, в Ленинграде в 1940 г. предприятия оборонного комплекса произвели 75% промышленного производства «северной столицы» [Данилов 2003, с. 40]. Этот показатель более чем в 4 раза превышает общесоюзный – 18,7%. Естественно, концентрация военных заводов в столицах обусловила и повышенные требования к подготовке рабочих и инженерных кадров, а также к характеристикам выпускаемой продукции.

Тревогу вызывали низкое качество выпускаемой военной продукции в целом по стране. Все попытки наведения порядка на производстве в предвоенный период были связаны со стремлением упорядочения технологической дисциплины. В наиболее «чистом виде» это происходило в авиационной промышленности, где проведенное советскими конструкторами и руководителями отрасли детальное сравнение с германскими аналогичными предприятиями привело к осознанию Сталиным и его окружением глубины отставания по всему спектру конструирования и производственных работ. Однако самих советских специалистов более всего поразили уровень технического контроля, включавшего рентгеноскопию даже небольших деталей, и масштаб *межзаводской кооперации* в авиапромышленности Германии [Мухин 2006, с. 291–299].

Еще сложнее обстояло дело в танковой промышленности: управленцы и конструкторы танков объективно видели, что новые образцы бронетехники, принятые на вооружение, не могут производиться в запланированных количествах, «поскольку танкосборочные заводы не были обеспечены необходимым набором комплектующих, а новые модели танков и двигателей не приспособлены к серийному производству» [Мельников 2017, с. 62, 65].

Бюрократический стиль руководства в лихорадочной – и даже авральной обстановке последних предвоенных месяцев превращался в помеху реализации принятых решений. Так, в справке комиссии Г.М. Маленкова на имя Сталина (23 января 1940 г.) бюрократический стиль руководства Наркомата авиапромышленности в 1938–1939 гг., базирующийся на «внешних эффектах и количественных показателях», назывался недопустимым, «основанным на штурмовщине и погоне за количеством в ущерб качеству» [Соколов 2012, с. 456, 457, 459].

Понадобилось десятилетие для того, чтобы советское руководство задумалось о соотношении качественных и количественных показателей. Еще в феврале 1932 г., на XVII Всесоюзной партийной конференции, такой вывод дорого стоил Рудзутаку [Фельдман, 2020b, с. 81]. Но это же десятилетие стало временем постоянных магических заклинаний о необходимости «подлин-

ного внедрения хозрасчета», «усиления внимания партийных организаций к хозяйственным проблемам». Главным инструментом называлось «укрепление трудовой дисциплины». Управленческая система в 1930-е годы была готова скорее к формальным переменам, чем к изменениям по существу.

В такой ситуации проведение XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) диктовалось не столько уставными нормами и традициями – Сталину не составило труда не проводить подобный форум во второй пятилетке – сколько осознанием критичности ситуации: февраль 1941 г. СССР встречал без союзников, окруженный армиями агрессоров.

В работе Конференции участвовали 456 делегатов с решающим и 138 с совещательным голосом, которые представляли 3 876 885 членов и кандидатов в члены партии.

Подавляющее большинство делегатов Конференции было представлено партийными функционерами: 151 – секретарь республиканских ЦК, обкомов и крайкомов ВКП(б); 83 – секретаря горкомов областных городов и 102 секретаря городов необластного значения [РГА СПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18. Л. 26]. Присутствовали также представители руководства армии, НКВД, хозяйственного аппарата, директорского корпуса.

В справках и докладных записках, поступивших в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б), содержится информация, позволяющая судить о материальном обеспечении делегатов Конференции в период 15–20 февраля 1941 г. Для делегатов были забронированы 428 номеров на 543 места в лучшей гостинице довоенного СССР («Москва»). Расходы на ежедневное питание составляли 75 руб., при этом предлагались на выбор завтрак и ужин из десяти наименований. Разнообразное меню включало икру, белорыбицу. Была запланирована продажа товаров широкого потребления из расчета 2–2,5 тыс. руб. на каждого делегата. Культурная программа включала бесплатные билеты на постановки Большого театра и МХАТа. Общая же сумма расходов на одного делегата Конференции составила 4 тыс. руб. [РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18. Л. 39–43; Д. 22. Л. 87–98].

С учетом того, что среднемесячная зарплата рабочего крупной промышленности СССР в 1940 г. составляла 340 руб. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 8123. Л. 56] семидневное пребывание делегата в Москве стоило столько же, сколько среднестатистический рабочий получал за год. Столь значительные траты имели вполне определенную цель: делегаты не должны были задавать «ненужные вопросы». Так складывалась норма обеспечения быта советской номенклатуры.

Доклад секретаря ВКП(б) ЦК Г.М. Маленкова «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» (далее: Доклад), прозвучавший 15 февраля 1941 г., был напечатан в газете «Правда» за 18 февраля, заняв семь первых страниц [Маленков 1941а]; а вскоре был опубликован и

отдельной брошюрой [Маленков 1941b]. Ранее такое случалось только с выступлениями Сталина. Но Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не выступал с докладами, ни на одной конференции после победы на апрельском Пленуме ЦК в апреле 1929 г. Было очевидно, что Маленков, не являющийся на тот момент ни членом, ни кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), озвучил сталинскую точку зрения. Это был не первый случай, когда Сталин передоверял соратникам излагать позицию партии в сложнейших экономических условиях.

Выбор Маленкова в качестве основного докладчика был не случаен. Для Сталина авиапромышленность была главной отраслью военно-промышленного комплекса. На строительство военно-воздушных сил шло от 25 до 45% средств военного бюджета страны. С ноября 1939 г. по директиве из центра в аппаратах региональных парторганов стали создаваться авиапромышленные отделы. В 1940 г. авиационная промышленность была фактически переведена на условия работы, приближенные к военным. С июля 1940 г. руководители территориальных комитетов партии и исполкомов были обязаны лично контролировать ход выполнения заказов для авиазаводов и оказывать им всемерную поддержку в реализации производственных программ. Директорам предприятий отрасли разрешалось применение сверхурочных работ до 3,5 часов в день на работника, а в случае необходимости и осуществление работ в выходные дни [История отечественной авиапромышленности 2011, с. 172, 173].

Маленков как руководитель партийно-правительственной комиссии, изучившей работу Наркомата авиационной промышленности СССР, на долгие годы стал для Сталина специалистом в этой области.

В докладе в весьма критической форме фиксировался ряд недостатков в работе промышленности и транспорта: невыполнение планов рядом наркоматов, несвоевременный ввод в действие новых производственных мощностей, значительный перерасход сырья и материалов, большой объем брака; завышенная себестоимость продукции, несоблюдение правил технической эксплуатации оборудования, приводящее к частым авариям.

Но следует заметить и то, что во-первых, в Докладе указывалось на недостатки в ряде отраслей, предприятий; вопрос об эффективности работы всей промышленности, впрочем, не рассматривался. Во-вторых, главная проблема – низкое качество выпускаемой продукции – была заретуширована примерами брака у «некоторых производителей».

В-третьих, Маленков даже не упомянул о том, что действительно волновало директорский корпус и незадолго до конференции попало на страницы главного печатного органа партии – газеты «Правда». Речь идет о критике сложившегося порядка управления промышленностью и призыве к ограниче-

нию расширения прав директоров предприятий [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 22–23].

Доклад был адресован не прямым исполнителям (хозяйственникам), а партийным организациям, перед которыми ставилась задача не только контроля, но фактически дублирования управленческих функций производственников. Неэффективность *контроля неспециалистов над специалистами* не раз проявлялась в предвоенный период, явно противореча призывам к укреплению власти директорского корпуса («единоначалию»).

Сконцентрировав внимание на важных, но все-таки вторичных факторах (неравномерности выпуска продукции, невыполнения планов по количественным показателям, захламленности на многих предприятиях и т.п.), Маленков только упомянул проблему бюрократического стиля управления промышленностью и транспортом «в ряде наркоматов». Секретарь ЦК не оставил сомнений в том, что понимается под бюрократическим стилем – отсутствие «повседневного контроля за работой каждого отдельного предприятия» и «повседневной проверки выполнения своих решений» [Маленков 1941а, с.1]. «Увеличение количества секретарей горкомов и обкомов партии, ведающих промышленностью и транспортом» должно было позволить избавиться от бюрократического стиля управления, а превращение партийных органов в еще один контрольно-надзорный институт магическим способом решить перечисленные выше проблемы.

У каждого времени свой язык, но в феврале 1941 г. лапидарное предложение – «партийные организации обязаны систематически влезать в дела промышленных предприятий и железных дорог» [Маленков 1941а, с. 2] – уже казалось лозунгом из времен Первой пятилетки.

Ярким примером непонимания реалий управленческой системы в экономике стала критика Маленковым медленного прохождения плановых документов в Наркомате морского флота [Маленков 1941а, с. 1]. Между тем планирование в советских наркоматах, точно так же как и планирование в правительстве, представляло собой постоянную череду конфликтов и согласований между основными участниками и затягивалось именно потому, что год от года возрастала степень детализации плановых показателей. Как следствие в 1930-е годы общие наркоматовские планы в процессе выполнения постоянно корректировались, оставляя наркоматам широкие возможности для маневрирования при выполнении заданий [Маркевич 2003, с. 27, 30, 41].

Более рациональным выглядел призыв Маленкова к «изучению партийными работниками экономики предприятий» [Маленков 1941а, с. 2], но и он из-за отсутствия конкретных механизмов реализации носил рекомендательный характер.

Там, где представители директоров (в рамках установленных лимитов) просили разрешить руководителям предприятий расходовать по своему ус-

мотрению средства (из сверхплановых накоплений!) на переоборудование завода, а в пределах фонда заработной платы – самостоятельно определять контингент работающих и их оплату [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 22], Маленков видел только нарушение «финансовой дисциплины» и «разбазаривание государственного имущества» [Маленков 1941а, с. 3].

Требую безоговорочного запрещения продажи предприятиями оборудования и материалов [Маленков 1941а, с. 3], докладчик ссылаясь на Указ Президиума Совета СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» [Маленков 1941а, с. 4].

Однако никакой Указ не мог устранить факт существования двух параллельных миров советской жизни в посленэповской реальности. Примерно с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой» [Мерль 2017, с. 314), сохраняя широчайшее пространство для осуществления неформальной рыночной экономики. Внедрение сверху, принудительно, командной экономики уродовало рынок, но не могло истребить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы [Осокина 2008, с. 13].

В советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов всех видов между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения [Хлевнюк 2017, с. 75].

В результате громкое заявление Маленкова о наличии «излишков» материальных ценностей (т.е. превышавших установленные нормы хранения) на предприятиях 12 промышленных наркоматов на 2,61 млрд руб. [Маленков 1941а, с. 3], являлось только отражением нерациональности и неадекватности экономической системы: запрету подвергалось то, без чего не могли работать советские заводы и фабрики – использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», а часть товаров получали «в обмен». Поскольку излишки появлялись там, где, начиная с 1930-х годов, не работал официальный рынок снабжения и обмена, использование «черного» рынка превратилось в повседневную практику.

Как видно, мифологизмы (например, о господстве «социалистического централизованного распределения») могли превращаться в нормативно-правовые акты, но они формировали только оболочку реальных экономических процессов.

Рассуждая о популярном в последний предвоенный год призыве к «соблюдению ежедневного графика выполнения предприятием производственной программы» [Маленков 1941а, с. 4], Маленков ничего не сказал о системах ор-

ганизации труда и заработной платы, технического обучения кадров, без чего ритмичность производства не могла осуществляться в принципе.

Масштабность выпуска брака, в интерпретации Маленкова, могла быть преодолена с введением «своевременного и оперативного контроля, предупреждающего возможность возникновения брака» [Маленков 1941а, с. 4]. Поразительно, но о роли ученых, инженеров, рабочих в этом процессе соратник Сталина не сказал ни слова: технократические нотки в Докладе были направлены только для усиления административных методов управления, нацеленных на максимальную степень эксплуатации работников «социалистических» предприятий.

С одобрением докладчик отозвался и о реализации одного из самых жестких законов сталинского времени – Указа 26 июня 1940 г. [Маленков 1941а, с. 5]. Как известно, по Указу от 26 июня 1940 г., до начала войны, т.е. всего за год, были осуждены более 3 млн человек, из которых 480 тыс. – попали в тюрьму [Хлевнюк 2015, с. 256]. Показателен пример Челябинского тракторного завода, где во второй половине 1940 г. к судебной ответственности были привлечены 17,7% рабочих-тракторостроителей [РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 352. Л. 121]. Вина более половины из них заключалась в опоздании на 20 и более минут. В условиях призыва в Красную армию с осени 1939 г. 3 млн мужчин; дефицита квалифицированных кадров – для директорского корпуса было очевидно, что возможности внеэкономического принуждения в мирное время весьма ограничены.

Обсуждение Доклада Маленкова открывалось выступлением секретаря Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецова 17 февраля 1941 г. [Кузнецов 1941, с. 2]. Выступление молодого функционера из «северной столицы» получило одобрение Сталина.

Ритуально заявив о поддержке основных тезисов Доклада Маленкова, Кузнецов обратился к анализу изменения управленческих действий в ходе войны с Финляндией в ноябре 1939 – марте 1940 г. Жизнь прифронтовой территории, функционирование промышленности Ленинграда в период «зимней войны» с Финляндией позволили накопить «определенный опыт по скоростному проектированию и изготовлению новых образцов вооружений». Суть опыта скоростного проектирования, по мысли Кузнецова, основывалась на «повышении инициативы самих предприятий в создании новой техники, организации проектирования методом параллельной работы конструктора, технолога, мастера, стахановца... при резком сокращении времени на всевозможные увязки и согласование, на которые уходят долгие месяцы». Такая практика позволила в 1940 г. в Ленинграде освоить 235 новых образцов продукции. Тезис о расширении прав предприятий подвел секретаря горкома к вопросу о целесообразности существования главков, «которые без наркоматов ничего не решают».

В феврале 1941 г. Кузнецов не мог предвидеть, что озвученный им опыт параллельного ведения научных, конструкторских и производственных работ в промышленности войдет в практику Великой Отечественной войны. Не мог он понимать и то, что «резкое сокращение времени на всевозможные увязки и согласование» – есть не что иное, как ограничение полномочий наркоматов и главков над предприятиями. Но простое изложение управленческой практики «малой войны» объективно вступало в противоречие с методами командно-административной системы.

Оттолкнувшись от конкретной технологической проблемы – скоростного проектирования, Кузнецов акцентировал внимание на повышении творческой инициативы директорского корпуса, инженеров, ученых и рабочих промышленных предприятий.

Кузнецов оказался на Конференции *единственным* партийным руководителем, кто в отчет о работе промышленности (Ленинграда за 1939–1940 гг.) ввел качественные показатели: динамика роста прибыли, рентабельность и производительность труда. Он говорил также о роли промышленных рабочих в реализации пятилетнего плана, выделив значение повышения квалификации рабочих кадров.

Определенным вызовом Докладу Маленкова, стало утверждение о том, что о реализации Указа 26 июня 1940 г. нужно судить не только по статистике количества прогулов и опозданий, но и по созданию соответствующих условий труда. Причина и следствие менялись местами: «безответственность» и «разгильдяйство» рабочих определялись, прежде всего, низким уровнем организации производства. Еще одним вызовом стало утверждение Кузнецова о том, что «если методы партийного руководства промышленностью не изменятся», введение должностей секретарей обкомов и горкомов по отраслям промышленности «особых успехов не принесет».

В крайне напряженной обстановке последних предвоенных месяцев мысли Кузнецова были услышаны высшим руководством страны: опыт финской кампании дорого стоил. Опровержения предложений Кузнецова не последовало.

Но резолюции конференции по Докладу Маленкова, опубликованные в «Правде» 19 февраля, лишь повторяли положения секретаря ЦК. Формально осудив бюрократический стиль управления промышленностью, сталинская система не торопилась использовать опыт ленинградцев [Резолюция 1941].

Только с началом войны (т.е. спустя полгода), 1 июля 1941 г., было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Наркомы получили полномочия перераспределять материальные ресурсы, а также капитальные вложения (в определенных размерах) между подчиненными им предприятиями и стройками. В свою очередь, в условиях военного времени, директора предприятий и на-

чальники строек могли свободнее распоряжаться своими фондами, например выдавать контрагентам необходимые материалы для выполнения своих заказов [Хлевнюк 2018, с. 62].

1940-е годы стали временем как карьерного роста Кузнецова, назначенного секретарем ЦК и начальником Управления кадров ЦК ВКП(б), так и последовавшего его ареста в 1949 г. Но зерна скрытого конфликта с Маленковым были посеяны в феврале 1941 г.: за несходством отдельных позиций у двух партийных функционеров стояло куда большее – как готовность к модернизации существующей системы управления, так и категорическое невосприятие перемен. Используя организаторские способности и знания Кузнецова, Вознесенского и их соратников в годы войны и в первые послевоенные годы, Сталин в 1949 г. именно Маленкову поручил «раскручивать» сфабрикованное «ленинградское дело».

Вне обсуждения на Конференции оказались предложения четырех директоров ленинградских заводов (опубликованные 10 сентября 1940 г. в «Правде»), изложенные в речи директора Кировского завода И.М. Зальцмана: сокращение отчетности предприятия до трех основных показателей – выполнение плана, себестоимость продукции, фонд заработной платы. По мысли директора Кировского завода, «скоростное проектирование являлось единственным путем внедрения новой техники», а самостоятельность крупных предприятий должна была подкрепляться наличием собственных конструкторских бюро. Прозвучало и предложение о разрешении межзаводской кооперации, с регламентацией не только прав, но и обязанностей директоров предприятий [Зальцман 1941 с. 2].

О вреде мелочной регламентации и опеки сверху говорил недавний председатель Ленинградского горисполкома, заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин [Косыгин 1941, с. 4–5].

Судя по наличию общих содержательных фрагментов выступления Косыгина и Зальцмана, были согласованы с Кузнецовым – руководителем ленинградской делегации на Конференции.

Следует заметить, что выступления ленинградцев – представителей ведущего машиностроительного центра страны, заметно выделялись на фоне выступлений остальных делегатов Конференции, большинство из которых, ориентируясь на Доклад Маленкова, в дежурном порядке приводили несколько примеров бесхозяйственности и рапортовали об уже принятых мерах. Показательным в этом плане можно считать выступление первого секретаря Харьковского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Епишева [Епишев 1941, с. 2]. Следует оговориться: как сообщалось в каждом номере газеты «Правда», речи делегатов печатались *по сокращенной стенограмме*. Так, важная информация, прозвучавшая в речи первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова о том, что за 1936–1939 гг. число выданных патентов промышленного

характера составило в США – 50 тыс., в Германии – 16,5 тыс., а в СССР только 4 тыс. [Михайлов 1941, с. 3], осталась без малейших комментариев со стороны руководства партии: ключевой момент научно-технического соперничества индустриальных государств показался несвоевременным и излишне откровенным.

В начале 1930-х годов [Первая Всесоюзная конференция 1931, с. 149–150], в середине десятилетия [Фельдман 2011] расхождения во взглядах руководителей предприятий и представителей партийно-государственного аппарата были нередким явлением. Несмотря на устрашающие репрессии 1937–1938 гг., Конференция продемонстрировала последовательность различных подходов к развитию экономики в годы первых пятилеток.

Доклад еще одного недавнего ленинградца, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г.», прозвучавший 18 февраля 1941 г. внешне не отличался от Доклада Маленкова: те же слова о «плановности развития народного хозяйства СССР, о неуклонном росте производства во всех отраслях народного хозяйства» [Вознесенский 1979, с. 412].

Однако в рассматриваемый период о многом могли говорить детали. Вознесенский старался говорить обо всей промышленности, и невыполнение заданий третьего пятилетнего плана в докладе председателя Госплана СССР касалось всех отраслей индустрии [Вознесенский 1979, с. 414]. Так, например, сопоставление приведенных в докладе показателей – 70 тыс. металлорежущих станков, не работавших в день переписи металлообрабатывающего оборудования (1 ноября 1940 г.), и 46 тыс. вообще не установленных станков – с данными статистики (парк оборудования металлорежущих станков в СССР на 1 января 1941 г. составлял 551 874 тыс. единиц [Овсянников 2015, с. 415]), позволяло судить о масштабе бесхозяйственности.

Однако и Вознесенский, указание на масштаб выпуска бракованной продукции в 1940 г. (2 млрд руб.) локализовал предприятиями черной металлургии и машиностроения [Вознесенский 1979, с. 424]. Судя по справке, составленной для высшего руководства СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана (начало работы над документом датируется 5 апреля 1941 г.), потери от брака за 1938–1940 гг. в промышленности составили 5,9 млрд руб., из них 4 млрд руб. – в машиностроении, включая оборонное производство. Так, например, 10% выплавленного в СССР чугуна ушло в брак [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35]. Как видно из приведенных статистических показателей, масштаб выпуска бракованной продукции оставался высоким все предвоенные годы.

Важное место в Докладе Вознесенского заняла проблема автоматизации технологических процессов [Вознесенский 1979, с. 421–423], что соответствовало задачам второй промышленной революции. Успех дальнейшего раз-

вития промышленности Вознесенский связал с «систематическим пополнением рабочего класса новыми квалифицированными кадрами» [Вознесенский 1979, с. 438–439]. Можно только сожалеть, что председатель Госплана СССР сделал акцент на кратковременных формах подготовки новых рабочих (в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения) и не остановился на формах повышения квалификации рабочих. Но это не было случайностью: по постановлению Экономсовета СНК СССР от 3 февраля 1940 г. было принято решение о сокращении расходов на подготовку и переподготовку кадров на 1,2 млрд руб. [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 554. Л. 129–130].

Вознесенский в качестве одной из важнейших целей назвал недопущение диспропорций в народном хозяйстве [Вознесенский 1979, с. 417]. Применительно к плану 1941 г. это формулировалось следующим образом: «дать более высокие темпы роста металлургии и машиностроения» [Вознесенский 1979, с. 417, 418]. Столь обтекаемая формула означала, что советское руководство не афишировало усиленное развитие оборонно-промышленного комплекса.

Проблема сближения развития регионов СССР, широко представленная в довоенных пятилетних планах, на сей раз отсутствовала. Уделегатов не вызвали вопросов особенности структуры распределения капитальных вложений по регионам на 1941 г. Так, рост капиталовложений в сравнении с 1940 г. на Урале и в Западной Сибири должен был составить 58%, а в приграничном Северо-Западе – 147 (!); по РСФСР в целом – на 50, а по соседней с оккупированными Германией странами Украинской СССР – на 76% [Вознесенский 1979, с. 434]. Задавать подобные вопросы уже было не принято.

Таким образом, государственные директивы о преимущественном развитии восточных районов СССР практически не выполнялись. Если в годы третьей пятилетки в народное хозяйство Урала (Уральского экономического района) планировалось вложить 9,1% общесоюзных капиталовложений [Третий пятилетний план 1939, с. 207], то в реальности, за три с половиной года третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 г.), удельный вес капиталовложений в экономику Урала составил не более 7,5% [История народного хозяйства 1988, с. 240].

В определенной степени это объяснялось тем, что сверхцентрализация управления экономикой оборачивалась своей противоположностью: наркоматы стремились к выполнению более простых заданий [Маркевич 2003, с. 25], с меньшим риском наказаний за невыполнение планов.

Итак, курсу на усиление и ужесточение административных рычагов противостояла заведомо более слабая линия на легализацию практики самостоятельного решения предприятиями производственных проблем.

Можно в принципе согласиться с тем мнением, что логика резолюций Конференции исходила из того, что если административные меры не сраба-

тывают, то их надо применять еще более энергично [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 67]. Но очевидно и другое: предложения ряда хозяйственников и руководителей промышленных наркоматов о необходимости борьбы с «техническим консерватизмом», о сокращении числа ведомств и инстанций, рассматривающих технические изобретения и рацпредложения, о разрешении перераспределения ресурсов между предприятиями путем прямых связей между ними не вошли в резолюции последнего предвоенного партийного форума. Однако они формировали то теоретическое научно-прикладное пространство, которое стало нередкой практикой в годы Великой Отечественной войны. Юридически это положение было оформлено Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени».

Выскажу предположение о том, что высокая степень откровенности (по меркам 1930-х годов) материалов Конференции была адресована не только (и возможно, не столько) коммунистам СССР, сколько руководству фашистской Германии: это была информация – Советский Союз не готовится к войне и не собирается нападать на Германию. Но в этом случае подобные сведения только укрепили Гитлера в приверженности плану Барбаросса.

Делегаты Конференции услышали весьма приблизительное освещение итогов социально-экономического развития СССР в 1938–1940 гг., однако главная мысль Доклада Маленкова – необходимость укрепления трудовой и технологической дисциплины – была понятна. Историческая и мемуарная литература фиксирует определенные шаги в этом направлении в последние предвоенные месяцы. Были повышены требования к точности и строгому выполнению норм технологического процесса и чертежей. Началось массовое применение на заводах современных контрольно-измерительных приборов, расширено число таких приборов, были сделаны первые шаги по автоматизации станков. Фактически в первом полугодии 1941 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к боевым [Шахурин 1984, с. 81–84]. Возрастающая опасность войны заставила советское руководство более жестко предъявлять требования к качеству выпускаемой оборонной продукции [Мельников 2017, с. 61, 64].

На примере авиационной промышленности видно, что определенное расширение прав (и в намного большей степени – ответственности!) руководства Наркомата [Шахурин 1984, с. 79–89] позволяло оперативно решать вопросы перемещения персонала и оплаты труда. По наблюдению историка авиации М.Ю. Мухина, чем ближе к Востоку страны находился авиазавод, тем активнее наркомат мог регулировать вопросы закрепления кадров [Мухин 2006, с. 239, 241]. В этом смысле указанные изменения в авиационной промышленности оказались модельными для всего оборонно-промышленного комплекса.

Подобное, весьма ограниченное, расширение прав наркоматов на основании директив высших органов власти было попыткой регулирования децентрализации. Характерный для 1939 – июня 1941 г. высокий уровень стабильности в руководстве наркоматов обеспечивал относительную безопасность директорам предприятий. Хотя в целом кадровая ротация на уровне предприятий была заметной, в том числе в связи с невыполнением производственных планов, она не имела характера масштабных чисток. Директорский корпус в промышленности, представленный, как правило, молодыми выдвиженцами, получил в рамках правительственного задания, определенную самостоятельность [Богуненко 2005, с. 52–57].

Бюрократический стиль руководства наркоматов в лихорадочной, и даже авральной, обстановке последних предвоенных месяцев мешал реализации принятых решений. Однако, как показывают современные исследования, штурмовщиной и непоследовательностью отличались действия и высшего советского руководства в 1940 – июне 1941 г. [Соколов 2012, с. 459, 505, 506].

Содержание резолюций XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) наглядно иллюстрирует приведенное выше положение: возможность использования ленинградского опыта «зимней кампании» была упущена. В то же время курс на расширение штата партийных функционеров, ответственных за определенные сферы и участки промышленности и транспорта, был одобрен. В русле этой тенденции стало и назначение Сталина председателем СНК СССР в мае 1941 г.

Категорический запрет практики продажи (обмена) излишков оборудования и материалов, трактуемый как «расхищение социалистической собственности» только затруднял не только межзаводскую кооперацию, но и, в целом, реализацию планов укрепления обороноспособности Советского государства.

Обоснованно подняв проблему качества промышленной продукции, резолюции Конференции, совокупностью предлагаемых мер наказания и поощрения, делали преимущественную ставку на приоритет количественных показателей. Кроме того, использование опыта самой передовой отрасли промышленности СССР – авиастроения – означало и регулярность сверхурочных работ, в том числе в выходные дни. В силу этого при переходе на изготовление новой продукции предприятия столкнулись с серьезными трудностями, порожденными дефицитом времени, отпущенного на переналадку производства, нехваткой передового оборудования и высококвалифицированных специалистов, а также недостаточно хорошей организацией труда. Несоблюдение технологических регламентов и требований, запрет на самостоятельную межзаводскую кооперацию обернулись массовым производственным браком. Как и прежде, экстенсивные методы развития превалировали

над интенсивными, что повлекло нерациональное и малопродуктивное расходование сил и средств отраслей оборонного комплекса [История отечественной авиапромышленности 2011, с. 177].

Подводя итоги, можно заметить, что XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) дала импульс ряду довольно противоречивых векторов: курсу на укрепление трудовой и технологической дисциплины, но в рамках приоритета количественных факторов. Ограниченная децентрализация управления в промышленности, но при усилении партийного контроля и дальнейшей концентрации власти в руках Сталина. Осознание роли технических знаний – при полной зависимости ученых и специалистов от государства.

Совокупность указанных векторов оказывала влияние на рост экономического потенциала СССР в первом полугодии 1941 г. Фиксируя позитивные изменения в способности СССР к отражению фашистской агрессии, следует отметить и немалый круг упущенных возможностей.

Прозвучавшие предложения делегатов партийного форума о роли механизации и автоматизации производственных процессов, о расширении межзаводской кооперации и самостоятельности предприятий в решении поставленных задач, о распространении опыта параллельного ведения научных, конструкторских и производственных работ в промышленности – оказались вне резолюций Конференции. Однако произнесенные мысли способны к существованию и вне канцелярских рамок. Опыт Великой Отечественной войны доказал это.

Библиография

- Богуненко Н.Н. Музруков. М.: Молодая гвардия, 2005. 399 с.
- Вознесенский Н.А. Хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г. // Избр. произв. 1931–1947. М.: Политиздат. 1979. С. 412–441.
- Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 – декабрь 1943 гг.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–49.
- Епишев А.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 18 февраля. С. 2.
- Зальцман П.М. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 20 февраля. С. 2.
- Из доклада народного комиссара обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова на мартовском (1940) пленуме ЦК ВКП(б) об уроках войны с Финляндией. Март 1940 г. // Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 426–448.
- История народного хозяйства Урала: в 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1: 1917–1945. 251 с.
- История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910–2010 гг. / под общ. ред. Д.А. Соболева. М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2011. 432 с.
- История советского рабочего класса: В 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. 591 с.
- История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука. 1978. Т. 5. 505 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

- Косыгин А.Н. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 23 февраля. С. 4–5.
- Кузнецов А.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 18 февраля. С. 2.
- Маленков Г.В. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта: Доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) 15 февр. 1941 года // Правда. 1941а. 18 февраля. С. 1–7.
- Маленков Г.В. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта: Доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) 15 февр. 1941 года. М.: Госполитиздат, 1941b. 39 с.
- Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. С. 20–54.
- Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.
- Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М.: РОССПЭН, 2017. С. 303–349.
- Михайлов Н.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 22 февраля 1941. С. 3.
- Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
- Овсянников В.А. Оценка величины станочного парка СССР к началу Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 414–417.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, 2008. 377 с.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцэргиз, 1931. 251 с.
- Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. Вып. 4. 463 с.
- РГАСПИ (Российский государственный архив политической истории). Ф. 476. Оп. 1. Д. 18.
- РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18.
- РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813.
- РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293.
- РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 554.
- РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 352.
- Резолюция XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта // Правда. 1941. 19 февраля. С. 1.
- Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 373 с.
- Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность, 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
- Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М.: Госпланиздат, 1939. 381 с.
- Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): Мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020а. № 1. С. 139–163.

Фельдман М.А. Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020b. Т. 27. № 1. С. 78–84.

Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 30-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. М.: Изд-во МГУ, 2011. Вып. 15. С. 86–95.

Фельдман М.А. Третий пятилетний план и проблема территориального размещения промышленности и рабочих СССР к 1941 г. // Экономическая история. Обзорение. 2007. Вып. 13. С. 180–184.

Хижняков С.С., Хлевнюк О.В. XVIII партконференция: время, проблемы, решения. М.: Политиздат, 1990. 112 с.

Хлевнюк О.В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2018. № 4. С. 59–72.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 462 с.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 75.

Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Шахурин А.И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1984. 240 с.

References

Bogunenko N.N. Muzrukov. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. 399 p. (In Russ.)

Danilov P.P. Promyshlennost' Leningrada v gody blokady (sentyabr' 1941 – dekabr' 1943 gg.). Otechestvennaya istoriya [Industry of Leningrad during the siege (September 1941 – December 1943). National history]. 2003. N 3. P. 40–49. (In Russ.)

Epishev A.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 18. P. 2. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Dve tendencii gosudarstvennoj ekonomicheskoy politiki v seredine 30-h gg. ili pyat' dnei iz zhizni G.K. Ordzhonikidze. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Two trends in state economic policy in the mid-30s. or five days in the life of G.K. Ordzhonikidze. Economic history. Review]. Moscow: MSU Publishing House, 2011. Iss. 15. P. 86–95. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Otlozhennoe osmyslenie. XVI s"ezd VKP(b): mifologicheskoe i real'noe spustya 90 let. Rossiya i sovremennyy mir [Delayed comprehension. XVI with rides of the ACP(b): mythological and real after 90 years. Russia and the contemporary world]. 2020a. N 1. P. 139–163. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Tretij pyatiletnij plan i problema territorial'nogo razmeshcheniya promyshlennosti i rabochih SSSR k 1941 g. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [The third five-year plan and the problem of the territorial distribution of industry and workers of the USSR by 1941. Economic history. Review]. Moscow: MSU Publishing House, 2007. Iss. 13. P. 180–184. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Trudnaya popytka osmysleniya (novyj vzglyad na sobytiya XVII konferencii Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (b). Gumanitarnye nauki v Sibiri [A difficult attempt at comprehension (a new look at the events of the XVII conference of the All-Union Communist Party (b). Humanities in Siberia]. 2020b. Vol. 27. N 1. P. 78–84. (In Russ.)

Istoriya narodnogo hozyajstva Urala [History of the national economy of the Urals]: 2 vol. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1988. Vol. 1: 1917–1945. 251 p. (In Russ.)

Istoriya otechestvennoj aviapromyshlennosti. Serijnoe samoletostroenie, 1910–2010 gg. [History of the domestic aircraft industry. Serial aircraft construction, 1910–2010]. Edited by D.A. Sobolev. Moscow: Russian Aviation Society (RUSAVIA), 2011. 432 p. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoy ekonomiki SSSR [History of the socialist economy of the USSR]: 7 vol. Moscow: Nauka, 1978. Vol. 5. 505 p. (In Russ.)

Istoriya sovetского rabocheho klassa [History of the Soviet working class]: 6 vol. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 3. Rabochij klass SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War]. 1938–1945. 591 p. (In Russ.)

Iz doklada narodnogo komissara oborony marshala Sovetskogo Soyuza K.E. Voroshilova na martovskom (1940) plenumе CK VKP(b) ob urokah vojny s Finlyandiej. Mart 1940 g. Tajny i uroki zimnej vojny [From the report of the People's Commissar of Defense Marshal of the Soviet Union K.E. Voroshilov at the March (1940) plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks about the lessons of the war with Finland. March 1940. Secrets and Lessons of the Winter War]. 1939–1940. Saint Petersburg: OOO «Izdatel'stvo Poligon», 2000. P. 426–448. (In Russ.)

Khizhnyakov S.S., Hlevnyuk O.V. XVIII partkonferenciya: vremya, problemy, resheniya [XVIII party conference: time, problems, solutions]. Moscow: Politizdat, 1990. 112 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Khozyain: Stalin i utverzhenie stalinskoy diktatury [Host: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN. 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Sovetskie narkomaty i decentralizaciya upravleniya ekonomikoj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Rossijskaya istoriya [Soviet People's Commissariats and Decentralization of Economic Management during the Great Patriotic War. Russian history]. 2018. Vol 4. P. 59–72. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya [Stalin. The life of one leader]. Moscow: AST, 2015. 462 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetской istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennye problem. Ural'skij istoricheskij vestnik [Stalin's period of Soviet history. Historical trends and unresolved issues. Ural Historical Bulletin]. 2017. N 3. P. 75. (In Russ.)

Kosygin A.N. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 23. P. 4–5. (in Russ.)

Kuznecov A.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 18. P. 2. (In Russ.)

Malenkov G.V. O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promyshlennosti i transporta: Doklad na XVIII Vsesoyuznoj konferencii VKP(b) [On the tasks of party organizations in the field of industry and transport: Report at the XVII All-Union Conference of the ASP(b)]. Feb. 15 1941. Pravda. 1941a. Feb. 18. P. 1–7. (In Russ.)

Malenkov G.V. O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promyshlennosti i transporta: Doklad na XVIII Vsesoyuznoj konferencii VKP(b) [On the tasks of party organizations in the field of industry and transport: Report at the XVII All-Union Conference of the ASP(b)]. 1941. Feb. 15. Moscow: Gospolitizdat, 1941b. 39 p. (In Russ.)

Markevich A.V. Byla li sovetская ekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930s.]. Economic History: Yearbook. 2003. P. 20–54. (In Russ.)

Mel'nikov N.N. Modernizaciya tankovoj promyshlennosti SSSR v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny [Modernization of the tank industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Sokrat, 2017. 416 p. (In Russ.)

Merl' Sh. Sovetskaya ekonomika: sovremennye otcenki [Soviet economy: modern estimates]. Economic History: Yearbook. 2017. P. 303–349. (In Russ.)

Mihajlov N.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 22. P. 3. (In Russ.)

Muhin M.Yu. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg. [The aircraft industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow: Nauka, 2006. 320 p. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleeniya v gody industrializatsii [Behind the facade of «Stalinist abundance»: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization]. 1927–1941. 2nd edition, supplemented. Moscow: ROSSPEN, 2008. 377 p. (In Russ.)

Ovsyannikov V.A. Otsenka velichiny stanochnogo parka SSSR k nachalu Velikoj Otechestvennoj vojny [Estimation of the size of the machine park of the USSR by the beginning of the Great Patriotic War]. Molodoy uchyonyj [Young scientist]. 2015. N 19 (99). P. 414–417. (In Russ.)

Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti. Stenograficheskiy otchet s 30 yanvarya po 5 fevralya 1931 [The First All-Union Conference of Socialist Industry Workers. Verbatim record from January 30 to February 5, 1931]. Moscow: Socekgiz, 1931. 251 p. (In Russ.)

Putevoditel' po fondam i kollekcijam dokumentov KPSS (25 oktyabrya (7 noyabrya) 1917 – avgust 1991 gg.) [Guide to the funds and collections of documents of the CPSU (October 25 (November 7) 1917 – August 1991)]. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. Iss. 4. 463 p. (In Russ.)

Rezolyutsiya XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) «O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promyshlennosti i transporta» [Resolution of the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b) «On the tasks of party organizations in the field of industry and transport»]. Pravda. 1941. Feb. 19. P. 1. (In Russ.)

RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archives of Economics]). F. 1562. Inv. 329. F. 813. (In Russ.)

RGAE. F. 1562. Inv. 329. F. 293. (In Russ.)

RGAE. F. 4372. Inv. 41. F. 554. (In Russ.)

RGAE. F. 7515. Inv. 1. F. 352. (In Russ.)

RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv politicheskoy istorii [Russian State Archive of Political History]). F. 476. Inv. 1. F. 18. (In Russ.)

RGASPI. F. 476. Inv. 1. F. 18. (In Russ.)

Samuel'son L. Tankograd: sekrety russkogo tyla [Tankograd: secrets of the Russian home front], 1917–1953. Moscow: ROSSPEN, 2010. 373 p. (In Russ.)

Shahurin A.I. Kryl'ya pobedy [Wings of Victory]. Moscow: Politizdat, 1984. 240 p. (In Russ.)

Simonov N.S. Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravlenie [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 336 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 gg. [From the military industry to the military-industrial complex: the Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 527 p. (In Russ.)

Tretij pyatiletnij plan razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuza SSR (1938–1942 gg.) [The third five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1938–1942)]. Moscow: Gosplanizdat, 1939. 381 p. (In Russ.)

Voznesenskij N.A. Hozyajstvennye itogi 1940 g. i plan razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1941 g. [Economic results of 1940 and the plan of development of the national economy of the USSR for 1941]. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. 1931–1947. Moscow: Politizdat, 1979. P. 412–441. (In Russ.)

Zal'cman P.M. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. Feb. 20. P. 2. (In Russ.)